

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Статья посвящается наиболее сложному и недостаточно разработанному институту уголовного права, в процессе применения которого возникает множество вопросов, не находящихся в практике единообразного решения. Рассматриваемая тема напрямую связана с проблемой организованной преступности, которая является частным проявлением в преступлении.

Соучастие относится к одному из наиболее сложных и недостаточно разработанных институтов уголовного права. При его изучении и практическом применении возникает много вопросов, которые не находят единого разрешения, что в конечном счете приводит к несправедливому и неэффективному применению уголовно-правовых норм.

Наибольшее затруднение вызывает уяснение содержания и соотношения объективных и субъективных элементов соучастия в связи с тем, что в нем взаимодействуют несколько лиц. В данной статье не ставится задача рассмотреть в исчерпывающей полноте все характерные признаки соучастия. Наше внимание будет сосредоточено на соотношении объективных и субъективных элементов соучастия, не получивших достаточно освещения в юридической литературе. Прежде всего необходимо остановиться на соотношении умысла и совместности. Первый относят к признакам субъективным, а второй – к объективным. Но следует учитывать относительность деления на объективное и субъективное, границы между ними подвижны и часто продиктованы практическими соображениями.

Относя умысел к признакам субъективным, а совместность – к объективным, мы противопоставляем психическую деятельность сразу всех совместно действующих лиц внешней стороне их совместного действия. Такой уровень разделения объективного и субъективного необходим для установления соучастия в целом как уголовно-правового явления. Однако он не позволяет дифференцировать ответственность. Возникает необходимость рассмотрения, как проявляются общие признаки соучастия в действиях конкретных соучастников. Хотя соучастники и несут ответственность на едином основании – это не исключает своеобразия их внешней и психической деятельности, что требует выделения как бы второго уровня оснований ответственности соучастников – индивидуального. Соответственно должны быть прослежены объективные и субъективные моменты в индивидуальном поведении соучастников. Поэтому сле-

дует говорить об объективных и субъективных признаках не только соучастия, но и соучастника.

Субъективной стороной соучастника будет его психическая деятельность (и только его). Объективную сторону поведения соучастника образуют: 1) внешняя сторона его деяния; 2) вся деятельность другого или других соучастников (включая внешнюю и психическую деятельность); 3) общие для всех соучастников последствия; 4) причинная связь между действиями всех соучастников и общим результатом.

Сложившийся в теории уголовного права подход, при котором не проводится четкого различия двух уровней соучастия в плане их объективного и субъективного содержания, не способствует уяснению признаков этого института.

В одном из последних учебников уголовного права дается следующая характеристика субъективной стороны соучастников: «Содержание психической связи (субъективный момент совместности) характеризуется сознанием каждого соучастника о деятельности других лиц и стремлением к достижению преступного последствия в результате общих усилий». Эта связь «предполагает знание не только организатором, подстрекателем и пособником о преступной деятельности исполнителя и желание действовать совместно с ним, но и знание исполнителем преступной деятельности каждого из них и стремление действовать совместно с другими соучастниками» [1].

Нередко этот признак соучастия характеризуется в теории уголовного права как «осведомленность» или «взаимная осведомленность» одних соучастников о действиях других [2]. Примерно так же раскрывается субъективная сторона действий соучастников в более ранних литературных источниках [3].

Однако сознание одного соучастника, что он действует с другим, и понимание последним, что действует с первым, еще не может свидетельствовать о наличии соучастия, поскольку первый правонарушитель хотя и представляет, что с ним действует второй, но может и не считать его сознательно действующим с ним заодно. Точно так же вто-

рое лицо, видя, что ему содействует первый, может, тем не менее, полагать, что это содействие чисто объективное и что другое лицо не считает себя содействующим кому-либо.

Таким образом, знание одного об участии другого и наоборот не гарантирует соучастия. Оно свидетельствует лишь об участии одного лица в деятельности другого, а о совместности в подобных случаях можно говорить лишь в объективном смысле. Соучастие предполагает не только объективную двусторонность, когда А. понимает, что содействует Б., а Б. содействует ему. Но и требует понимания А., что Б. сознает факт помощи А. В свою очередь, Б. не только должен понимать, что содействует А. и одновременно А. содействует ему самому, но и то, что А. сознает факт содействия ему. При соучастии нужно не просто понимание, а, так сказать, взаимопонимание.

Приведем для наглядности следующий пример. Л. в ночное время на железнодорожной станции похищал спирт из вагона-цистерны путем отлива шлангом через горловину. Он заметил, что с противоположной стороны к цистерне с той же целью подошел У. И аналогичным способом также стал откачивать спирт. Через некоторое время на путях станции был задержан Л., а затем и У. В результате хищения в цистерне образовалась недостача спирта в значительном размере. Во время следствия Л. показал, что во время похищения спирта видел занимавшегося тем же У., но полагал, что последний его самого не видит. У. показал, что видел Л., но также считал, что последний о его действиях не подозревает. Данных о взаимодействии Л. и У. следствием не добыто [4].

В данном случае соучастие отсутствует, хотя каждый из названных лиц был осведомлен о деятельности другого. Такой вариант содействия указывает на участие одного в действиях другого, но он не создает взаимного участия в деятельности друг друга, как это предполагает совместность. Данное обстоятельство обоснованно отмечает Н.Г. Иванов, подчеркивая, что совместность – это взаимодействие [5].

Именно на такой смысл указывает семантика этого понятия. В словаре русского языка «соучастие» определяется как совместное участие в чем-нибудь (обычно неблагоприятном), соучастие в преступлении. Соучастник – тот, кто участвует вместе с кем-нибудь в совершении чего-нибудь (обычно неблагоприятного). Соучастник преступления или в преступлении. Совместный – значит осуществляемый вместе с кем-нибудь, общий [6]. Последнее понятие наиболее точно раскрывает признак совме-

стности соучастия. Для соучастника обязательна именно общность, а если подчеркнуть субъективный план – взаимность действий.

Как справедливо отмечает Н.Г. Иванов «...совместность любой деятельности, в том числе и соучастия в преступлении, характеризуется прежде всего единым для действующих лиц процессом деятельности. Это означает, что усилия взаимодействующих субъектов направлены на достижение общего для них результата» [7].

Нельзя не согласиться с Ивановым Н. Г. и в том, что деятельность – понятие психологическое, что «именно психология, а не какая-либо наука изучает поведенческие реакции человека...» [8]. Одним из основных факторов совместной деятельности психологи называют *общение*. Общение выполняет функцию организации совместной деятельности [9]. Структура общения складывается из коммуникации, интеракции и социальной перцепции. Под *коммуникацией* имеется в виду обмен информацией. Интеракция рассматривается как организация взаимодействия – обмен не только знаниями и идеями, но и действиями. *Социальная перцепция* предполагает восприятие и познание друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания [10].

При этом подчеркивается, что «...общение нельзя рассматривать лишь как отправление информации какой-то передающей системой или как прием ее другой системой потому, что в отличие от простого «движения информации» между двумя устройствами здесь мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом: взаимное информирование их предполагает налаживание совместной деятельности. Это значит, что каждый участник коммуникативного процесса предполагает активность также и в своем партнере, он не может рассматривать его как некий объект... в коммуникативном процессе происходит не простое движение информации, но как минимум активный обмен ею» [11].

В психологии отмечается, что при совместной деятельности происходит «...осознание каждым из участников... как он воспринимается своим партнером по общению. Это не просто знание другого, но знание того, как другой знает (понимает) меня, своеобразный удвоенный процесс зеркальных отношений друг друга» [12].

Нельзя не обратить внимания, что некоторые традиционно признаваемые соучастием виды взаимодействия не вписываются в обозначенные субъективные рамки общности и взаимности совместной деятельности. Так, подстрекатель, скло-

няя другое лицо к совершению преступления, фактически создает условия, основу, почву для его совершения – формирует решимость совершить преступление, то есть то, с чего начинается любое преступное поведение, и, естественно, осознает это. Со стороны подстрекателя признаки участия в действиях другого есть. Но одной стороны для соучастия недостаточно. Есть ли сознание взаимности и общности действий у подстрекаемого? Навряд ли. И вот почему.

Подстрекатель не совершает преступления непосредственно, а также и не оказывает помощи исполнителю. Внешняя сторона его воздействия выпадает из поля зрения в силу того, что он воздействует непосредственно на сознание исполнителя, тогда как обычно понимаемая взаимопомощь связана с физическим или материальным содействием. Подстрекательство разительно отличается от интеллектуальной помощи – совета, за которым обычно обращается тот, кто в нем нуждается. Принудительный или нажимной совет не характерен для взаимоотношений людей. Поскольку элемент содействия при подстрекательстве не проявляется, подстрекаемый субъективно не считает, что с ним кто-то взаимодействует при совершении преступления. Точно так же, как конкретный человек постоянно формирует, детерминирует свое поведение, не ощущая и не замечая этого. Подстрекаемому представляется, что преступление он совершает один. Так оно и есть на самом деле. Хотя подстрекатель и формирует, подготавливает решения о совершении преступления у подстрекаемого, но решение последний принимает сам, оно является выражением его собственной воли. В противном случае пришлось бы признать отсутствие деяния. Таким образом, действия подстрекаемого лица обладают известной автономностью, отстраненностью от действий подстрекателя и других соучастников.

Подстрекательство выпадает из рамок соучастия, обозначенных в действующем УК РФ (ст. 32), в силу отсутствия взаимодействия. Эта деятельность опасна сама по себе, как таковая. Не случайно законодатель нередко подстрекательские действия выделяет в самостоятельный состав (ст.ст. 150, 151, 230 УК и др.). Близкие отношения подстрекателя и подстрекаемого по своей юридической и социальной сущности взаимосвязи возникают при интеллектуальных формах пособничества и организационной деятельности. Сомнения по поводу общности действий возникают во всех случаях соучастия с разными ролями. Пособник, доставший пистолет будущему убийце, вряд ли счита-

ет себя участником убийства. Еще менее вероятно, что убийца в подобных случаях рассматривает себя как действующего с кем-то.

Сказанное может быть отнесено и к организационной деятельности. Члены созданной организатором группы осознают, что они взаимодействуют друг с другом, но субъективного представления, что с ними в преступлении участвует организатор (если, конечно, его деятельность этим и ограничивается), у них скорее всего нет.

Сознание полной общности и взаимности действий соучастников существует практически лишь при так называемых групповых преступлениях, когда все преступники исполняют преступление либо хотя непосредственно не исполняют, но находятся на месте преступления и помогают исполнителям.

Социальная психология рассматривает совместную деятельность именно как деятельность групповую: «...под группой понимается реально существующее образование, в котором люди собраны вместе, объединены каким-то общим признаком, разновидностью совместной деятельности или помещены в какие-то идентичные условия, обстоятельства (также в реальном процессе их жизнедеятельности), определенным образом осознают свою принадлежность к этому образованию» [13].

Николов Л. выделяет следующие признаки совместной деятельности:

«1. Пространственное и временное соприкосновение участников, создающее возможность личного (непосредственного) контакта между ними, в том числе интеракции как обмена действиями, коммуникации как обмена информацией, а также взаимной перцепции.

2. Наличие общей (единой) цели – предвосхищаемого результата совместной деятельности, отвечающего интересам всех и способствующего реализации потребностей каждого из включенного в него индивидов. Как прообраз результата совместной деятельности и одновременно ее начальный момент цель является конституирующим признаком совместной деятельности.

3. Наличие органа организации и руководства, включая планирование, контроль, коррекцию и координацию общих и частных действий, создание организационно-технологических предпосылок совместной деятельности, которые персонифицированы в лице одного из участников, наделенного особыми полномочиями, либо распределены между ними.

4. Разделение единого процесса совместной деятельности между участниками, обусловленное

характером цели, средствами и условиями ее достижения, составом и уровнем квалификации исполнителей.

5. Возникновение у индивидов, осуществляющих совместную деятельность, межличностных отношений, образующихся на основе предметно заданных функционально-ролевых взаимодействий... именно общение и отношение субъектов в процессе обмена индивидуальными деятельностями являются структурой, отличающей этот процесс от любого другого процесса односубъектной индивидуальной деятельности» [14].

По мнению Я. Щепаньского и В.Н. Панферова, структура взаимодействия людей предполагает:

- а) пространственный контакт;
- б) психический контакт (взаимная заинтересованность);
- в) взаимодействие – систематическое, постоянное осуществление действий, имеющих целью вызвать соответствующую реакцию со стороны партнера;
- г) социальные отношения (взаимно сопряженная система действий) [15].

Совместная деятельность рассматривается как главный интегратор всех групповых процессов [16].

При соучастии с разными ролями трудно усмотреть хотя бы один из названных признаков.

Наряду с совместной деятельностью людей в группе в социальной психологии выделяется такой тип взаимоотношения людей, как воздействие, заключающееся во влиянии одного на другого без обратной связи. Например, при просмотре телепередачи, чтении книги происходит процесс воздействия (автора, ведущего и т. п.) на того, кто воспринимает эту информацию. Процесс воздействия может быть двусторонним, и тогда он становится частью коммуникации, общения, превращаясь в элемент взаимодействия. Так, в той же телепередаче, если ведущий приглашает в студию гостей и ведет с ними диалог, осуществляется общение и взаимодействие. Некоторые передачи специально строятся на принципе общения и диалога («Я сама» на ОРТ, «Глас народа» на НТВ и др.) [17]. В таком случае они полностью соответствуют общению, взаимодействию и совместной деятельности. Поэтому собственно соучастием (с точки зрения действующего УК РФ) следует считать групповую деятельность. А разноролевая деятельность представляется не иначе как содействие одних другим и должна быть выделена из соучастия в качестве самостоятельного института. Совместная деятельность как таковая возможна только в процессе группового взаимодействия. По мнению Ю.А. Шерковина, группа – это «общность

взаимодействующих людей во имя сознаваемой цели, общность, которая объективно выступает как субъект действия» [18].

В результате этого «общее участие членов группы в совместной групповой деятельности обуславливает формирование психологической общности между ними и, таким образом, при этом условии группа действительно становится социально-психологическим феноменом...» А главная психологическая характеристика группы – наличие «Мы чувства» [19].

Объективно в соучастии присутствуют два фактора, определяющие его опасность, – это степень организованности действий соучастников в целом (на уровне дифференциации) и характер, объем деятельности отдельного соучастника (индивидуализация).

Первое находит выражение в различных типах группового взаимодействия. Второе – в функции, роли соучастника и объеме выполненных им действий. Причем различные варианты группового взаимодействия являются более поздним социальным и психологическим феноменом, отражающим усложнение человеческих отношений по мере развития цивилизации, дальнейшей более высокой ступенью развития функционального воздействия.

Функции выражают более простой тип отношений, когда люди выступают как отдельные независимые субъекты, контакты которых при совершении преступления носят эпизодический или случайный характер. В силу этого невозможно само возникновение феномена усложненного, тесного взаимодействия. Поэтому дифференциация ответственности объективно возможна лишь по выполняемой роли. На этой почве и возникает разделение: исполнитель – организатор – подстрекатель – пособник.

Более сложным типам отношений соответствует возникновение и более сложных и тесных типов взаимодействия. На этом фоне происходит как бы слияние функций, возрастает взаимозаменяемость. Участники таких групп, как правило, выполняют различные функции в процессе их взаимодействия. Происходит универсализация и тотализация взаимодействия, функции вытесняются универсальным взаимодействием. На это обстоятельство обращают внимание и психологи: «...современная ситуация переходная – имеет особенно практический характер. Старая модель утратила силу, и мы не знаем, чем ее заменить. Мы часто говорим, что надо быть гибким, уметь приспособливаться, действовать... но что означают все эти выражения, кроме того, что сегодня руко-

водитель должен уметь *исполнять различные роли* (курс. авт. – А. П.) в зависимости от обстоятельств?» [20]. Речь идет о руководителе, но, без сомнения, это общая тенденция в отношении всех участников группы.

Следует отметить, что подобные типы взаимодействия (простого и усложненного) мы наблюдаем и в социально одобряемых видах взаимодействия. Тенденция усложнения форм взаимодействия в процессе развития отчетливо проявляется в спорте, например хоккее и футболе. В частности, в футболе наблюдается нарастание универсализации. Сегодня традиционное деление игроков на нападающих, полузащитников и защитников отходит на второй план. В высококлассных командах любой игрок (даже вратарь) готов выполнить любую из этих функций. Возник так называемый тотальный футбол, где традиционная амплуа утратило свое значение.

Нечто подобное находим мы во всех видах социального, в том числе криминального взаимодействия. Это ситуация находит отражение в противоречивой квалификации судами и следственными органами соучастия. С одной стороны, сохраняется приверженность традиционному функциональному разделению соучастия и соответствующему отражению ее в квалификации (когда делается ссылка на ст. 33 УК РФ). С другой – последние решения Верховного Суда дают основание для вывода о постепенном отходе от традиции и переходе к отражению в квалификации качественного своеобразия группового взаимодействия.

К. решил совершить убийство Л., которая, по его сведениям, имела дома ценное имущество, с целью завладения им и последующей продажи его для получения средств на приобретение наркотиков. Поскольку Л. не открывала дверь квартиры незнакомым лицам, К. попросил ее соседа Н., с которым был знаком по употреблению наркотиков, постучать в дверь Л. и вызвать ее, объяснив последнему свои намерения и пригласив принять участие в преступлении. После того как Л. на вызов Н. открыла дверь, К. и Н. вошли в квартиру, после чего К. стал душить Л. В процессе насилия К. попросил Н. подать ему шнур от радиоприемника, что последний и сделал. Переданным Н. шнуром К. задушил Л.

Оренбургский областной суд квалифицировал действия К. по ст. 105 ч. 2 п. «к» и «з» и ст. 162 ч. 3 п.п. «б» и «в», а действия Н. по тем же статьям и дополнительно по ст. 33 УК РФ как пособника. Суд не нашел в действиях К. и Н. группового преступления [21].

В обоснование квалификации действий Н. суд сослался на то, что он не участвовал в лишении жизни Л. непосредственно, а лишь содействовал в этом К.

Подобная квалификация, произведенная в традиционном ключе, когда участниками группы рассматриваются лишь исполнители, не отражает ни фактическую, ни социальную сущность события. Совершенно очевидно, что К. и Н. взаимодействовали при совершении преступления, а следовательно, совершенное ими носит групповой характер. В том-то и дело, что в групповом преступлении выполняемая функция теряет решающее значение, так как служит лишь средством обеспечения социально более значимого явления – взаимодействия. Если следовать традиционному подходу и относить одностороннюю связь к соучастию, то в определении соучастия следовало бы дополнить признак совместности альтернативным признаком одностороннего воздействия одного лица на другого.

На наш взгляд, групповое преступление имеет принципиальное отличие от соучастия в виде содействия (пособничества и т. п.) прежде всего по субъективным признакам. В групповом преступлении с тесной субъективной связью содействие утрачивает самостоятельный характер, оно не выступает уже в виде некой вспомогательной деятельности, поскольку здесь все распределено и все необходимо. В качественном отношении любое действие участника группы не отличается от действий других лиц. Различие может быть лишь с количественной стороны (различие в усилиях и т. п.). Поэтому функциональное разделение в таких преступлениях теряет самодовлеющее значение из-за невозможности в силу тесной сплоченности одного без другого. М.А. Робер и Ф. Тильман пишут, что «...группа – это нечто большее и совсем иное, чем сумма составляющих ее индивидов...» [22].

Иное дело – содействие вне тесных отношений. А. советует Б., как лучше совершить преступление. Но Б. может обойтись и без этого совета либо получить его у другого. Здесь именно функция приобретает решающее значение.

Весьма близка изложенной позиция А.П. Козлова. По его мнению, суть преступной группы заключается в том, что «данная форма соучастия выделена на основе *второго уровня совместности*, т. е. на действии всех вместе, при котором индивидуальная деятельность каждого соучастника частично теряет свое значение; указанное выражено в объединении действий, в той или иной степени организованности, в превращении всех соучастников в «единого субъекта»... преступная группа –

форма соучастия с распределением ролей или в виде соисполнительства с достаточно высокой степенью соорганизованности, когда преобладает действие всех вместе, а не функциональные признаки соучастия» [23]. (Курс. цитир. авт. – А. П.).

Корреспондирует сказанному и выделенная им идея об элементарном соучастии, под которым А.П. Козлов понимает «соучастие с распределением ролей самой низкой степени соорганизованности, когда преобладает значение функциональных признаков, а не степени соорганизованности» [24].

Достаточно легко заметить, что выдвинутые А.П. Козловым положения перекликаются со взглядами по данному вопросу автора настоящей работы. Однако очевидно, скованный традицией А.П. Козлов не развил до конца и последовательно идеи о самостоятельном значении функций и соорганизованности, поэтому его дальнейшие суждения обнаруживают неустранимые противоречия. Отсюда «при установлении соорганизованности... достаточно определить функции соучастников» [25].

Непоследовательная позиция заставляет ходить по кругу: функции имеют в группе минимальное значение, но они ставятся едва ли не на первое место; соорганизованность в элементарном соучастии также минимальна, однако А.П. Козлов усматривает ее даже там, где отсутствует сговор. Да и сам сговор толкуется весьма неопределенно. А.П. Козлов в частности полагает, что подстрекательство к убийству следует рассматривать как предварительный сговор. Но ведь сговор есть не что иное, как соглашение по поводу каких-либо обстоятельств. О чем же договариваются подстрекатель и подстрекаемый, по поводу чего они достигают соглашения? Соглашение предполагает согласование поведения сторон по поводу чего-либо: делаем то-то, нападаем на того-то и таким образом взаимодействуем. Ничего подобного при подстрекательстве не бывает. О каком-либо взаимодействии речи нет и в помине. Наоборот, подстрекатель стремится внушить исполнителю необходимость совершения преступления, а при этом остаться в стороне [26].

Список использованной литературы:

1. Уголовное право. Общая часть. – М., 1992. – С. 248 – 249.
2. Водько Н.П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. – М., 2000. – С. 11.; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб., 2001. – С. 71.
3. Курс уголовного права. Т.1. – ЛГУ, 1968. – С. 595; Советское уголовное право. Общая часть. – М., 1981. – С. 254; Галиакбаров Р.Х. Квалификация групповых преступлений. – М., 1980. – С. 7.; Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. – Киев. – С. 165; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М., 1978. – С. 19-21.
4. Оренбургская транспортная прокуратура. – 1983. – Дело №17297.
5. Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. – Саратов, 1991. – С. 63.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1987. – С. 644, 653.
7. Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. – Саратов, 1991. – С. 64.
8. Там же. – С 48.
9. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1997. – С. 81; Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М., 1988. – С. 107, 176.
10. Андреева Г. М. Указ. соч. – С. 82.
11. Андреева Г. М. Указ. соч. – С. 85.
12. Межличностное восприятие в группе. – М., 1981. – С. 35.
13. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1980. – С. 176.
14. Николов Л. Структуры человеческой деятельности. – М., 1984. – С.123.
15. Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 1997. – С. 103.
16. Межличностное восприятие в группе. – М., 1981. – С. 8.
17. Там же.
18. Шерковин Ю.А. Понятие группы в марксистской социальной психологии. Социальная психология / Под ред. Г. Л. Предвечного и Ю.А. Шерковина. – М., 1975. – С. 50.
19. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 1997. – С. 141.
20. Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М., 1988. – С. 170.
21. Оренбургский областной суд. – 1999. – 2 – 137.
22. Робер М.А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М., 1988. – С. 170.
23. Козлов А.П. Указ. соч. – С. 214.
24. Козлов А.П. Указ. соч. – С. 210.
25. Козлов А.П. Указ. соч. – С. 201.
26. Козлов А.П. Указ. соч. – С. 211.